

УДК 94(470)

ФОРМИРОВАНИЕ ЛОЯЛЬНОСТИ: МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО КОМПРОМИССА НА ТАГИЛЬСКИХ ЗАВОДАХ Н.А. ДЕМИДОВА (1750–1770-е гг.)

© 2019 г.

Д.А. Редин

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург

volot@mail.ru

Поступила в редакцию 18.03.2019

Рассматривается комплекс мер, предпринятых Н.А. Демидовым для стабилизации социальной обстановки и формирования лояльности в среде населения на Нижнетагильских заводах после волнений 1750-х – начала 1760-х гг., и результаты этих усилий. Делается вывод о том, что именно эти, осознанные и целенаправленные мероприятия, заложили основу долгосрочного сотрудничества и социальной стабильности на указанных заводах; способствовали солидарности заводчан и властей в ситуации Пугачевского восстания; позволяли избегать масштабных конфликтов в течение последующего столетия.

Ключевые слова: социальная лояльность, социальный компромисс, вечноотданные, мастерские и работные люди, Н.А. Демидов.

Согласие людей, объединенных в обществе, – это история доверия.

Дени Дидро [1, р. 35]

Историческим исследованиям чаще присущ интерес к конфликту, и этот интерес понятен. Драматургия конфликта ярче и насыщеннее, чем драматургия покоя, к тому же конфликт выявляет зоны напряженности и проблемности, латентно существующие в жизни любой социальной системы, и позволяет лучше понять суть того или иного исторического явления. Между тем пребывание в постоянном конфликте – вещь если не невозможная, то некомфортная и неконструктивная. Любое общество своим существованием нацелено на примирение и сотрудничество, а человеческая природа ищет стабильности, необходимой для её нормального воспроизводства, и, тем самым, ориентирована на компромисс. В целом же будет справедливым признать, что вся история – и в макро-, и в микропроявлениях – есть постоянный баланс между конфликтом и сотрудничеством, демонстрирующий те самые ритуалы интеракций и поля социальных взаимодействий, о которых писали авторы влиятельных социологических теорий вроде Р. Коллинза, Н. Элиаса или П. Бурдьё [2, 3, 4].

Однако любая теория имеет смысл, если она верифицируется эмпирическим материалом. Для истории, оперирующей понятиями места и времени, это особенно важно. Мы знаем массу примеров, когда абстрактные и вневременные определения оказывались нерабочими и заводили исследовательскую мысль в интеллектуальный тупик, соприкасаясь с конкретно-историческим материалом (достаточно в этой

связи вспомнить судьбу таких понятий, как «государство», «социальные классы», «сословия», «абсолютизм» и тому подобное). Проверка теории практикой приобретает принципиальное значение, когда речь идет о российской истории, которая, в силу своеобразия развития отечественного историописания в XX в., долгое время интерпретировалась в рамках своеобразного теоретического, а лучше сказать, идеологического «монизма». В этом смысле можно лишь согласиться с мыслью А.Б. Каменского о том, что любые теоретико-методологические дискуссии «остаются в значительной мере умозрительными, пока не появилось достаточно серьезных, основанных на российском материале исследований, ориентированных на обсуждаемую проблематику и методологию» [5, с. 10].

Настоящая статья посвящена сюжету, который демонстрирует, каким образом при вполне определенных обстоятельствах проявляли себя интеракции, направленные на достижение социального компромисса, каким образом могли реализовываться механизмы формирования лояльности и социального дисциплинирования, к каким результатам приводили меры, предпринятые в результате крупного конфликта, охватившего горно-металлургические заводы Урала в середине – начале второй половины XVIII в.

На рубеже 1750–1760-х гг. на уральских заводах произошли массовые протестные акции, известные в советской историографии как волнения приписных крестьян [6]. В самом деле, наибольший удельный вес в этих волнениях

приходился именно на названную категорию работных, недовольных как самим фактом их приписки к заводам, так и условиями труда и оплаты. Но, в зависимости от конкретной обстановки на тех или иных предприятиях, к волнениям присоединялись и другие категории заводского населения – мастеровые и работные люди разного юридического статуса. Таким своеобразием отличалось и протестное движение на заводах крупнейших владельцев – Демидовых.

На Нижнетагильских заводах (Нижнетагильский, Выйский, Черноисточинский, Висимо-Шайтанский, Верхний и Нижний Лайские) – части демидовской «империи», доставшейся по разделу 1757 г. Никите Акинфиевичу Демидову, представителю третьего поколения династии, активными участниками волнений стали мастеровые и работные люди, относившиеся к категории вечноотданных. Это были потомки государственных крестьян и «непомнящих родства», в разное время осевшие на металлургических мануфактурах, ставшие квалифицированными мастеровыми или мелкими предпринимателями ремесленниками и торговцами. Демидовы и другие владельцы, на чьих предприятиях количество вечноотданных было значительным, стремились превратить их в своих крепостных. Протест против смены юридического статуса и стал главным основанием для присоединения вечноотданных к волнениям. Сам хозяин Нижнетагильских мануфактур хорошо понимал, что главную опасность для социального мира (и, соответственно, бесперебойного и прибыльного производства) на его предприятиях представляют именно вечноотданные, особенно их торгово-ремесленная группа, ставшая естественным лидером и авангардом недовольных. В ответе на одну из челобитных заводских людей, полученных в начале 1760-х гг., Никита Акинфиевич точно определил социальный облик своих основных противников:

«А слышу я, что оное (непослушание. – Д.Р.) чинят от вас торгаши и рукоделщики, яко токари, бурашники, санники, моляры и кожевники, которья желают работать толко за один подушной оклад... И вы силу... указов поймите... и будьте в послушании, ибо вы... к моим заводам укреплены вечно не для торгов, но для всегдашних заводских работ...» [7, л. 138–138 об.]

Если приписных крестьян можно было относительно легко успокоить сменой наиболее одиозных управителей и увеличением оплаты труда, то вечноотданные, более сплоченные, состоятельные и «идейные», чье недовольство было вызвано причинами принципиального характера, требовали иных мер воздействия.

Добившись от правительства законодательного решения по «сверстыванию» своих вечно-

отданных с крепостными, Н.А. Демидов приступил к комплексу мероприятий, которые могли бы укрепить успех и показать, что крепостной статус более выгоден его подданным, чем статус государственных крестьян, который отстаивали вечноотданные.

Самые масштабные действия такого рода были предприняты заводчиком в 1763–1764 гг., по горячим следам комиссии кн. А.А. Вяземского, подведшей черту под расследованиями причин волнений. Здравый смысл и прагматизм подсказывали как приоритет первоначальных мер, так и стилистику их подачи. Своего рода кредо новой политики социального умиротворения Н.А. Демидов изложил в ордере приказчикам Нижнетагильской главной заводской конторы от 7 июля 1763 г.:

«Холоден и голоден может ли служить? А как хлеба нет, дак и глупой дороги спознается... У вас у всех глупо затвержено, что крепостной крестьянин, так и надобно с ним бесчеловечно поступать, а мое усердное желание – всех в равенстве и безобидно содержать» [8, л. 25–25 об.].

Самым простым и безотказным способом формирования лояльности было повышение оплаты труда. Главным в этом деле было сохранение лица: материальное поощрение должно было выглядеть проявлением хозяйской справедливости и милосердия, а не уступкой бунтовщикам. Отсюда разнообразие поводов, массовое, но не спонтанное стимулирование, создававшее впечатление диалога заводовладельца и работников. Одно из первых таких повышений для работных людей, занятых в изготовлении древесного угля (до 30 коп. за рубку квадратной сажени дров и до 1 руб. 10 коп. за ломку одной угольной кучи), Н.А. Демидов провел в августе 1762 г., когда улаживание конфликта на заводах еще продолжалось, приурочив свое решение к получению чина статского советника («для оной радости»). Тем же орденом повышалась сдельная оплата за изготовление кирпича на заводские нужды: с 90 коп. до 1 руб. 10 коп. за тысячу штук [9, л. 334]. В следующем году кирпичникам еще дважды поднимали расценки сдельщины, доведя их до 1 руб. 50 коп. за тысячу [10, л. 215]. Не оставались без внимания работники основных производств. В марте 1763 г., причем по инициативе приказчиков, как бы демонстрировавших полное отречение от методов их предшественников (например, бывшего главного приказчика Ивана Андреева Полногова, самодурство которого стало одной из причин беспорядков на Нижнетагильских заводах), существенную прибавку получили лудильные мастера, подмастерья и ученики. За лужение «кровельнаго аршиннаго железа» им по-

лагалось платить не по 16, а по 20 руб. за тысячу досок [10, л. 148]. «Триумфом справедливости» стало восстановление (ордером от 29 марта 1763 г.) сдельных ставок молотовым мастерам, произвольно сниженных упоминавшимся приказчиком И. Андреевым (Полюговым) с бывших 2 до 1.5 копеек за пуд [11, л. 154–154 об.]; а чуть менее года спустя молотовые мастера стали получать по 4.5 коп. за пуд выкованного железа [11, л. 155–155 об.]. Милостивое решение о повышении оплаты труда могло воспоследовать и в результате челобитной, как это было сделано в апреле 1763 г., в ответ на запрос заводских плотников [11, л. 262–262 об.].

Помимо прямого повышения ставок оплаты, Н.А. Демидов начал практиковать систему стимулирующих надбавок (за ресурсосберегающие, говоря современным языком, технологии, за перевыполнение норм выработки, за сложность выполняемых производственных операций), размеры которых были весьма заметными. В этой связи представляет интерес прогрессивная система оплаты угольных мастеров и работников: при выработке из одной угольной 20-саженной кучи 50 коробов угля предполагалось платить по 1 коп. за короб; сверхплановые 5 коробов оплачивались уже по 2 коп. за штуку, а следующие 5 – по 4 коп. за штуку [12, л. 394–394 об.]. Или надбавки за выжиг древесного угля из головней (ресурсосберегающая технология, позволявшая получать более качественный уголь): 1 руб. 60 коп. за кучу из головней против 1 руб. 30 коп. за выжиг обычной кучи [13, л. 79–79 об.]. Или повышенная оплата в 2 руб. пуд за изготовление «водонагревательных чаников» (самоваров?), которая полагалась мастерам меднокотельного цеха Нижнетагильского завода, где производили посуду: за весь остальной посудный ассортимент им платили по 1 руб. за пуд [13, л. 57]. Все эти распоряжения были реализованы в течение 1762–1763 гг.

При этом хозяин проявлял известную гибкость в стремлении интенсифицировать производство и оптимизировать формы оплаты труда. Так, например, он не стал настаивать на внедрении в 1764 г. сдельной оплаты вместо поденной за выполнение некоторых видов вспомогательных производств: заготовок доменного песка и извести, земляных работ, изготовления ящиков для укладки металлических изделий. Из рапортов приказчиков Н.А. Демидов узнал, что это вызывает недовольство занятых на них людей и отменил непопулярное решение, продемонстрировав, тем самым, готовность к разумному диалогу [11, л. 583].

В конечном итоге предпринятые меры привели к тому, что размеры оплаты труда для всех

видов работ на Нижнетагильских заводах оставили далеко позади расценки, принятые на казенных мануфактурах [11, л. 43 об.]. Но дело не ограничивалось только заработной платой.

В течение 1760-х – начала 1770-х гг. заводо-владелец восстановил или развернул на своих предприятиях разнообразные меры материальной поддержки заводчан. Наиболее массовой и заметной среди них была система централизованного снабжения продовольствием. Созданная по аналогии с казенной практикой, эта система стала обыденным явлением на частных заводах Среднего Урала уже к середине XVIII в. Суть её сводилась к следующему. Определенные от главной заводской конторы закупщики приобретали на ярмарках и у окрестных крестьян зерно различных сортов, свозили его в «хлебозапасные магазейны», а затем продавали по мере надобности по единой фиксированной цене (как правило, ниже закупочной) мастерам и работным людям. Из заводских хлебных запасов провиант не только продавался, но и раздавался в качестве материальной помощи «престарелым, увечным и неимущим заводским жителям» [14, л. 30–30 об.]. Аналогичные выдачи осуществлялись для поддержки низкооплачиваемых работников в неурожайные годы, когда цены на внутреннем продовольственном рынке поднимались. В моем распоряжении имеется ордер Н.А. Демидова в Нижнетагильскую главную заводскую контору, хотя и несколько выходящий за верхнюю хронологическую границу статьи (1784 г.), но рисующий типичный механизм реализации таких раздач.

«Ежели хлебу наступающею зимою цена не унизится, то в пропитании неимущих заводских моих жителей, колми же паче вновь переведенных из вотчин и имеющих малолетних детей, исключая ленивых мотов и пьянушек, имеет оная кантора поступить согласно с моим человеколюбием».

Это означало, что приказчикам следовало объехать все заводы, выявить нуждающихся, определить количество необходимого «сверхвырабатываемой платы» хлеба и осуществить его выдачу [14, л. 41–41 об.]. Многочисленные и однотипные документы о распределении хлеба указывают на важность этой процедуры в системе жизнеобеспечения заводских поселков. Сбои в этом процессе были нежелательны. Даже сама схема закупок провианта имела значение. В рапорте, направленном из Нижнетагильской заводской в Невьянскую главную заводскую контору от 29 ноября 1750 г. (еще до раздела большого демидовского хозяйства), пояснялась опасность перемен в системе приобретения хлеба. Если при жизни Акинфия Никитича

Демидова зерно закупалось централизованно через главную контору, то после его смерти – сообщали тагильские приказчики – «а с какого повеления... такого точно... определения не имеется» – продовольствие стал приобретать каждый завод отдельно. Это привело к внутренней конкуренции между закупщиками («на одне господские денги и в один день закупают разными ценами: которой посмелей, тот купит ценою побольше, а которой поскупее, тот купит поменше»), обрушению стабильных рыночных цен и ценовому разнобою, а порой и нехватке хлеба на разных заводах, входивших в единый хозяйственный комплекс [15, л. 87–89]. Заслугой Никиты Акинфиевича стало то, что он восстановил отцовские порядки хлебозакупок в рамках своей доли наследства. Централизованное снабжение заводчан, таким образом, оказывалось не просто выгодно заводовладельцу, поскольку в целом продажа и раздача хлеба обходились дешевле денежных выплат и сберегали наличность, – эта система работала на поддержание социального мира на предприятиях, укрепляя в глазах работников образ Н.А. Демидова как заботливого хозяина.

В русле той же логики – сочетания экономической целесообразности и стремления воспитания лояльности – на Нижнетагильских заводах формировались зачатки системы социального обеспечения рабочих людей. Очень показательными в этом смысле стали действия заводчика (1761 г.) по оказанию медицинской помощи едва ли не самой уязвимой категории его подданных – крестьян, переведенных из поволжских вотчин на строительство и обслуживание нового Нижнесалдинского завода. Попав в абсолютно непривычные природные и производственные условия, вчерашние землепашцы крайне тяжело адаптировались на Урале, терпя лишения и страдая от неустроенности. Узнав от беглых, пришедших искать его защиты, о том, что многие из них живут в землянках, болеют и умирают, Демидов обрушился на заводских приказчиков. Их безразличие к судьбам переселенцев хозяин расценил как небрежение к собственному имуществу: «Хотя все вотчины перевести, то на такую гибу не напасти!», – написал он в очередном ордере, распекая своих управителей в бессердечии, нерадивости и грозя ответом перед господином и Богом. Но при этом очень детально, вникая во все мелочи, заводчик отдал распоряжение «не жалея... денег, почаству лекаря призывая, чрез лекарства им помогать»; поить под надзором того же лекаря минеральной водой, найденной при Нижнетагильском заводе, и пользоваться от дизентерии монопольным «копытчатым ревенем» с вино-

градным вином «ис присланного или покупного», запас которого имелся в господском доме для угощения проезжающих чиновников [10, л. 199]. Одиноким стариков, не пригодных к работе, следовало принимать в богадельню: к 1763 г. таковая уже имелась при Нижнетагильском заводе [10, л. 47]; документы фиксируют частые случаи установления пенсий для заслуженных отставных работников, выдачи безвозмездных ссуд для постройки жилья, разовых денежных пособий.

Примечательно, что все эти меры, интенсивно проводимые в 1760-е гг., носили ярко выраженный назидательный характер и рассматривались через призму социального дисциплинирования, поскольку касались *исключительно крепостных работников и служителей* (и лишь иногда – приписных крестьян). Мастерские и рабочие люди из вечноотданных, сумевшие сохранить за собой после решения комиссии Вяземского статус государственных крестьян, демонстративно исключались из всего комплекса материальной поддержки. Исповедуя принцип: «Своим – все, врагам – закон», Н.А. Демидов приказал приказчикам тщательно следить, чтобы такие работники получали оплату в строгом соответствии с государственными расценками [16, л. 556^а–556^аоб.]. Некрепостным была закрыта дорога к карьерному росту: с 1764 г. им запрещалось занимать конторские и приказничьи должности и в исключительных случаях, по особому письменному прошению соискателя, дозволялось брать таковых лишь на низшие служительские позиции с окладом не более 30 руб. в год [16, л. 556^а–556^аоб.]. Явно воспитательный характер имели выборочные решения Демидова, делавшего исключение для некоторых мастеровых из казенных крестьян, доказавших свою лояльность и непричастность к беспорядкам. В этом отношении показательна история молотодельного мастера Игната Терехова «и з детми». Терехов, как явствовало из его челобитной, поданной хозяину в августе 1766 г., был казенным мастерским в третьем поколении, чей дед – мастер Тульских заводов – оказался на Урале еще при основателе династии, Никите Демидове (Антуфьеве). Юридический статус И. Терехова и его семьи был безукоризненным – это подтвердила и комиссия кн. Вяземского; сам он относился к высокооплачиваемой мастерской элите и в беспорядках не участвовал. Но «воспитательные» меры 1764 г. коснулись и его, поскольку он оказался переведен на казенный оклад; демидовские милости, связанные с повышением оплаты труда, прошли мимо незадачливого молотодельного мастера. Собственно, это и составляло суть челобитной: Игнат просил производить ему с сыном и пле-

мянником «по-прежнему поденную плату», поскольку «установы казенного содержания заводов против здешних учреждений продолжительны и убыточны». Резолюция заводовладельца была написана с явным расчетом на распространение в народ:

«Естли подлинно упоминаемой проситель Терехов с волнующими из государственных крестьян в упорстве не был, то оному и с сыном при молотоделном мастерстве производить плату не во образец другим, за прежния труды деда и отца ево... против мастеровых молотоделных, сверстанных с крепостными моими, поденную» [17, л. 2].

Не менее демонстративное распоряжение, направленное на поощрение социально благонадежных, содержится в более раннем документе: ордере от 18 февраля 1763 г., адресованном тагильским приказчикам. В нем шла речь о мирском старосте Нижнетагильского завода Иване Кротове, определенном главной заводской конторой «за ревность» к хозяйским делам в служительскую должность. Беда заключалась в том, что лояльный Кротов оказался безграмотным, почему и к новой должности, несмотря на преданность, не пригодным. Разумеется, Демидов распорядился отправить его обратно в заводскую работу, но не преминул вознаградить за верность. Несостоявшийся конторщик получил жалованье за то время, когда он находился «при делах», а приказчики – наказ «за добрые ж и усердныя ево поступки... содержать в отличном призрении и от всяких обид и напатов защищать, дабы отнюд противники ничем обидеть ево не могли...» [14, л. 48].

В некоторых ситуациях заводчик демонстрировал полную солидарность со своими подданными. Особенно ярко это проявлялось в деле покупки рекрутов. Исходя исключительно из нежелания терять квалифицированных мастеровых, Н.А. Демидов покупал крепостных в различных уездах Поволжья и Центральной России и сдавал их в рекруты в зачет своих заводов. При этом заводские жители собирали деньги, которыми впоследствии компенсировали хозяйские расходы. Собранных денег не всегда хватало на полное погашение нужной суммы, но мастеровые прилагали все усилия для скорейшего возвращения долга. Во «всепокорнейшем доношении» двух десятков нижнетагильских мастеровых, посланном Демидову в январе 1770 г., авторы, «нехотя отлучены быть своего отечества» и желая «быть всегда при заводах вечно во крестьянстве», сообщали, что на имевшиеся у них деньги «несколько человек и куплено... но точию сколько потребно не полное число». Направив в распоряжение хозяина вы-

борного «надежного человека, Нижнетагильского завода жителя» Власа Чеусова, в обязанности которого входило «как наивозможно чрез старание и неусыпное к тому попечение потребное число крестьян куплено и отдано (в рекруты. – Д.Р.) было», мир гарантировал вернуть заводчику недостающие деньги «в самой скорости» [18, л. 67–68]. О размахе покупных операций свидетельствует другой документ: «Роспись... сколько от нижеобъявленных жителей принято на наем рекрут денег...» за тот же 1770 г. В ней подробно зафиксированы взносы мастеровых и работных людей, поражающие своими размерами. Персональные годовые суммы колеблются от 100 руб. (в двух случаях) до 248 руб. 38 $\frac{3}{4}$ коп. (в пяти случаях), при средней величине около 210 руб. Всего же за 1770 г. с сорока двух поименно названных мастеровых (из которых только один помечен как «государственный молотовой мастер») поступило 8 775 руб. 19 $\frac{1}{2}$ коп.! «Роспись» демонстрирует не только то, что среди крепостных демидовских мастеровых были очень состоятельные люди, но и степень социального доверия заводовладельца и его работников в этом весьма щекотливом и обоюдно интересном деле [18, л. 230 об. –231]. Вероятно, эти вкладчики, верхушка заводского общества, оплачивали не только свои потребности, но вносили деньги за общее количество рекрутов, разверстанных на заводское население в целом. Тем не менее, по косвенным упоминаниям в делопроизводстве, можно предположить, что в покупных операциях принимали участие и небогатые семьи работных людей, занимавшие нужные суммы в долг. На это указывает, в частности, рапорт приказчиков Нижнетагильской главной заводской конторы, поданный Н.А. Демидову в 1772 г. В нем они предлагали установить льготы для членов тех семей, за которых эти семьи внесли рекрутские деньги. Для бедных, «дабы они могли окупить заработанные ими на то долги», следовало снизить норму заготовляемого угля с 60 до 40 коробов, из которых 10 коробов предлагалось оплачивать не по фиксированной казенной («плакатной») ставке, а по «вольной цене». Членам зажиточных семей норму предполагалось снизить с 60 до 50 коробов угля. Кроме того, всем вкладчикам можно было вдвое снизить норму заготовок господского сена, возки на пристани железа и «протчих случающихся заводских работ» и т.п. Срок льгот приказчики предлагали установить в 6 лет. Решение заводчика было проще и щедрее. Всем «покупателям за себя рекрут», независимо от уровня их достатка, разрешалось выполнять только половину от всех налагаемых на них работ, а за все сделанное или произведенное сверх

указанной половинной нормы платить по рыночным расценкам [18, л. 424–425]. Разнообразные поощрения и льготы, связанные с рекрутскими операциями, существовали на Нижнетагильских заводах по меньшей мере до конца XVIII в.

***

Приведенные сведения имеют, как представляется, весьма поучительный характер. Столкнувшись с массовым протестом своих работников, Н.А. Демидов не стал прибегать к исключительно репрессивным мерам, как это сделали бы, наверное, большинство владельцев. Вместо этого он сумел разобраться с причинами конфликта, выявил нюансы в недовольстве разных категорий рабочего контингента, определил возможные границы компромисса и непреклонности и сделал правильные выводы относительно дальнейшей стратегии поведения. Судя по всему, заводчику было гораздо важнее не столько проявить себя жестким и всемогущим господином, сколько обеспечить социальную стабильность и устойчивость развития своего хозяйственного комплекса на максимально длительную перспективу. По сути, он предложил и реализовал программу социального доверия и партнерства, основанную на признании сторонами обоюдно приемлемых сфер сотрудничества. Разумеется, вслед за советскими историками можно называть манипуляции хозяина Нижнетагильских заводов с оплатой труда и другими формами материальной поддержки заводчан «подачками», хотя, судя по всему, сами мастеровые и работные люди считали их весьма существенными. Можно, и вероятно не без оснований с позиций сегодняшнего дня, считать его действия исключительно корыстными, а сопровождавшую их риторику – лицемерной, хотя для самого Демидова, подлинного человека эпохи Просвещения [19, с. 612–634], и то, и другое было органично и непротиворечиво вписывалось в этос разумного и справедливого правителя, пекущегося о всеобщем благе. В конце концов, заложенные им принципы патерналистского отношения к своим работникам обернулись в дальнейшем созданием мощной системы социального обеспечения, которой славились Нижнетагильские заводы в следующем столетии. Но принципиально значимым видится другое.

«Самая важная характеристика общества – это форма солидарности, с которой оно живет, – написал как-то Дж. Хоскинг, – ...своеобразная арена, на которой следует мирным путем разрешать споры и конфликты» [20]. Весь комплекс мер, осуществленных Н.А. Демидовым в 1760-е – начале 1770-х гг., заложил основу та-

кого общества солидарности. В очень короткие сроки социальная обстановка на Нижнетагильских заводах стабилизировалась, на них сформировалось лояльное большинство, настолько значительное, что новый, гораздо более масштабный и угрожающий конфликт – восстание под руководством Е.И. Пугачева – не смог разрушить эту систему лояльности. Население названных заводов и других предприятий, на которых социальная структура и механизмы социального регулирования были аналогичными, приняло деятельное участие в отражении повстанцев и дало крупные отряды ополчения, использовавшиеся при обороне Екатеринбурга и в ключевых сражениях на Среднем Урале до подхода регулярных войск [21, с. 242–253]. Избранный курс на достижение «социальной гармонии», неукоснительно проводимый и после смерти Никиты Акинфиевича его наследниками, доказал свою состоятельность в долгосрочной перспективе: ни в последней трети XVIII, ни в первой половине XIX в. Нижнетагильские заводы не знали массового протестного движения крепостных [22, с. 98–99].

Условные обозначения

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

ГАСО – Государственный архив Свердловской области.

Список литературы

1. Diderot D. Oeuvres politiques. Paris: Garnier, 1963.
2. Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 1. С. 27–39.
3. Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic investigations. Revised ed. Oxford: Blackwell, 2000.
4. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
5. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М.: Издательский центр РГГУ, 2007.
6. Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII века (к вопросу о формировании пролетариата в России). М.: Изд-во МГУ, 1979.
7. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 112.
8. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 179.
9. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 17.
10. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112.
11. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 189.
12. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 17.

13. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112.
 14. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 263.
 15. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 34.
 16. РГАДА. Ф. 1256. Оп. 1. Д. 189.
 17. РГАДА. Ф. 1256. Оп. 1. Д. 112.
 18. РГАДА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 259.
 19. Карпова Е.В. «Журнал путешествия» Н.А. Демидова (Материалы к изучению) // Демидовский временник: Исторический альманах / Сост. и отв. ред. А.С. Черкасова. Екатеринбург: Демидовский ин-т, 2008. Кн. II. С. 612–634.
 20. Хоскинг Дж. Зачем нам нужна история доверия // Вестник Европы. 2002. № 7–8 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zh-zal.ru/vestnik/2002/7/hosking.html> (дата обращения: 04.03.2019).
 21. Редин Д.А. Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2019.
 22. Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения / Отв. ред. Н.А. Миненко. Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2004.

**DEVELOPING LOYALTY:
 MECHANISMS OF SOCIAL COMPROMISE
 AT N.A. DEMIDOV'S TAGIL PLANTS (1750s – 1770s)**

D.A. Redin

The article discusses a set of measures taken by N.A. Demidov to stabilize the social situation and to develop loyalty among the population at the Nizhny Tagil plants after the unrest of the 1750s – early 1760s and the results of these efforts. It is concluded that these conscious and purposeful activities laid the foundation for long-term cooperation and social stability in these plants. These measures contributed to the solidarity of the plant workers and the authorities in the situation of the Pugachev rebellion and helped to avoid large-scale conflicts over the next century.

Keywords: social loyalty, social compromise, possession peasants, workmen and working people, N.A. Demidov.

References

1. Diderot D. Oeuvres politiques. Paris: Garnier, 1963.
 2. Kollinz R. Programma teorii rituala interakcii // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2004. T. 7. № 1. S. 27–39.
 3. Elias N. The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic investigations. Revised ed. Oxford: Blackwell, 2000.
 4. Burd'e P. Sociologiya social'nogo prostranstva / Per. s franc.; отв. red. perevoda N.A. Shmatko. M.: Institut eksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejya, 2007.
 5. Kamenskij A.B. Povsednevnost' russkih gorodskih obyvatelej. Istoricheskie anekdoty iz provincial'noj zhizni XVIII veka. M.: Izdatel'skij centr RGGU, 2007.
 6. Orlov A.S. Volneniya na Urale v seredine XVIII veka (k voprosu o formirovanii proletariata v Rossii). M.: Izd-vo MGU, 1979.
 7. RGADA. F. 1267. Op. 1. D. 112.
 8. RGADA. F. 1267. Op. 1. D. 179.
 9. GASO. F. 102. Op. 1. D. 17.
 10. GASO. F. 643. Op. 1. D. 112.
 11. RGADA. F. 1267. Op. 1. D. 189.
 12. GASO. F. 102. Op. 1. D. 17.
 13. GASO. F. 643. Op. 1. D. 112.
 14. GASO. F. 643. Op. 1. D. 263.
 15. GASO. F. 643. Op. 1. D. 34.
 16. RGADA. F. 1256. Op. 1. D. 189.
 17. RGADA. F. 1256. Op. 1. D. 112.
 18. RGADA. F. 1263. Op. 1. D. 259.
 19. Karpova E.V. «Zhurnal puteshestviya» N.A. Demidova (Materialy k izucheniyu) // Demidovskij vremennik: Istoricheskij al'manah / Sost. i отв. red. A.S. Cherkasova. Ekaterinburg: Demidovskij in-t, 2008. Kn. II. S. 612–634.
 20. Hosking Dzh. Zachem nam nuzhna istoriya doveriya // Vestnik Evropy. 2002. № 7–8 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.zh-zal.ru/vestnik/2002/7/hosking.html> (data obrashcheniya: 04.03.2019).
 21. Redin D.A. Etyudy po russkoj istorii Novogo vremeni (administrativnyj i social'nyj aspekty). Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2019.
 22. Neklyudov E.G. Ural'skie zavodchiki v pervoj polovine XIX veka: vladel'cy i vladeniya / Отв. ред. Н.А. Миненко. Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2004.